
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ КАК НАУКА. ТЕОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ. ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

ПОЭТИКА И СТИЛИСТИКА ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

УДК 821.161.1.0

ЮРЧЕНКО Т.Г.¹ ИЗМЕНЧИВОЕ ПОСТОЯНСТВО: МЕТАДИС-
КУРСИВНАЯ ПОЭТИКА ВЛАДИМИРА СОРОКИНА. Рецензия
на кн.: УФФЕЛЬМАНН Д. ДИСКУРСЫ ВЛАДИМИРА СОРОКИ-
НА / пер. с англ. Т. Пирусской. – Москва : Новое литературное
обозрение, 2022. – 312 с.

DOI: 10.31249/lit/2022.04.01

Аннотация. В книге немецкого слависта Д. Уффельманна анализируются ключевые для каждого этапа творчества В.Г. Сорокина произведения с целью обоснования идеи о единстве творческого метода писателя. Автор полагает, что основу этого метода составляет постоянно присутствующая в произведениях Сорокина метадискурсивная дистанция – характерный прием московского концептуализма. В разные периоды меняются лишь объекты референции – ими становятся разные дискурсивные практики.

Ключевые слова: В.Г. Сорокин; московский концептуализм; метадискурс; субверсивная аффирмация.

Для цитирования: Юрченко Т.Г. Изменчивое постоянство : метадискурсивная поэтика Владимира Сорокина // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 7: Литерату-

¹ Юрченко Татьяна Генриховна – старший научный сотрудник отдела литературоведения ИНИОН РАН.

поведение. – 2022. – № 4. – С. 9–21. – Рец. на кн.: Уффельманн Д. Дискурсы Владимира Сорокина / пер. с англ. Т. Пирусской. – Москва : Новое литературное обозрение, 2022. – 312 с. DOI: 10.31249/lit/2022.04.01

YURCHENKO T.G. Changeable permanence: Vladimir Sorokin's metadiscursive poetics. Book review: Uffelmann D. Vladimir Sorokin's discourses.

Abstract. Dirk Uffelmann, professor of East and West Slavic literatures and President-elect of the German Slavists's Association, examines Vladimir Sorokin's key texts in order to show the unity of the writer's art style throughout different periods of his work. This unity according to Dirk Uffelmann is based on the technique of metadiscursive distance which constitutes all Sorokin's writings and which is typical for Moscow conceptualism. Only the reference objects that are various discursive practices, change over time.

Keywords: V.G. Sorokin; Moscow conceptualism; metadiscourse; subversive affirmation.

To cite this article: Yurchenko, Tatiana G. "Changeable permanence: Vladimir Sorokin's metadiscursive poetics. Book review: Uffelmann D. Vladimir Sorokin's discourses", *Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature. Series 7: Literary Studies*, no. 4, 2022, pp. 9–21. DOI: 10.31249/lit/2022.04.01 (In Russian)

Немецкий славист Дирк Уффельманн, профессор Института славистики Гисенского университета им. Юстуса Либиха, хорошо известен как вдумчивый исследователь творчества Владимира Сорокина, которым он занимается уже более двадцати лет¹; некоторые его работы были доступны и русскоязычному читателю². Ре-

¹ См., напр.: Uffelmann D. *Marinä Himmelfahrt und Liquidierung: Erniedrigung und Erhöhung in Sorokins Roman "Tridcatataja Ijibov' Mariny"* // *Wiener Slavistischer Almanach*. – 2003. – N 51. – S. 289–333; Uffelmann D. *Spiel und Ernst in der intertextuellen Sinnkonstitution von Vladimir Sorokins "Metel'"* // *Poetica*. – 2012. – Vol. 44, N 3/4. – S. 421–441; Uffelmann D. *The Chinese future of Russian literature: "bad writing" in Sorokin's oeuvre* // *Vladimir Sorokin's languages* / ed. by Roesen T., Uffelmann D. – Bergen : University of Bergen, 2013. – P. 170–193.

² Уффельманн Д. «Сорокин давно уже Толстой»: о метаклассике // *Славянские чтения*. – 2019. – № 13. – С. 167–174; Уффельманн Д. «Лед тронулся»: пересекающиеся периоды в творчестве Владимира Сорокина (от материализации метафор к фантастическому субстанционализму) // «Это просто буквы на бума-

цензурируемая книга – первая попытка исследователя охватить творчество Сорокина целиком: от ранних произведений 1980-х годов до романов 2010-х, выделив «значимые аспекты крупных произведений разных периодов» [2, с. 272]. Монография, на обложке украшенная рисунком В. Сорокина «Достоевский с шаром», представляет собой перевод (очень достойная работа Татьяны Пирусской) англоязычного издания 2020 г.¹, которое годом позже в авторском переводе вышло и на немецком языке². За пределами книги из романов Сорокина остался лишь «Доктор Гарин» (2021), написанный уже после того, как вышло исследование.

Начальный период творчества Сорокина, напоминает исследователь, связан с группой московских концептуалистов, в которую входили художники – Эрик Булатов, Виктор Пивоваров, Илья Кабаков, акционисты и писатели – Дмитрий Пригов, Андрей Монастырский, Лев Рубинштейн, Павел Пепперштейн, теоретик Борис Гройс.

«В концептуализме, – как сказал в 1992 г. Сорокин, отсылая к словам одного из отцов западного концептуального искусства Джозефа Кошута, – актуальна не вещь, а отношение к этой вещи. Концептуализм – это дистанционное отношение и к произведению, и к культуре в целом» (цит. по: [2, с. 19]).

Московские концептуалисты 1970-х и начала 1980-х годов, для которых главным источником и интертекстом был соцреализм, пишет Д. Уффельманн, подрывали «авторитет советского официоза за счет острого подражания ему, которое принято называть *субверсивной аффирмацией*... Подобная остротная имитация советских дискурсов помогала концептуалистам уловить перформативную природу ритуализированной речи, письма и визуального искусства позднесоветской эпохи, обыгрывая ее художественными средствами... Если повседневные ритуалы обладали лишь скрытым подрывным потенциалом, и следование им, с одной стороны, выражало согласие с советской официальной культурой,

ге...» Владимир Сорокин : после литературы / под ред. Е. Добренко, И. Калинина, М. Липовецкого. – Москва : Новое литературное обозрение, 2018. – С. 64–87.

¹ Uffelmann D. Vladimir Sorokin's discourses : a companion. – Boston (MA) : Academic studies press, 2020. – 236 p.

² Uffelmann D. Vladimir Sorokins Diskurse. Ein Handbuch. – Heidelberg : Winter, 2021. – 283 S.

с другой – обнажало ее пустоту, то “субверсивная аффирмация” концептуалистов с их утрированными остранным подражанием соцреализму и советскому монументальному стилю делала эту более широкую тенденцию очевидной» [2, с. 28, 29].

С концом советской эпохи субверсивная аффирмация не исчезает из произведений Сорокина, но меняет свою направленность: ее объектом становятся несоветские и особенно постсоветские практики, по отношению к которым продолжает сохраняться характерная для концептуализма метадискурсивная дистанция. Сохранение метадискурсивного концептуалистского подхода в творчестве Сорокина после крушения СССР – центральный тезис книги.

Роман «Очередь», название которого отсылало к хорошо известному феномену советской жизни, впервые вышел в русском эмигрантском издательстве в Париже в 1985 г. По стилистике это произведение Сорокина скорее напоминает пьесу: в нем нет не только рассказчика, но и имен персонажей, и оно все состоит из прямой речи людей, стоящих в очереди. О том, что происходит, можно узнать лишь из реплик; время действия – позднесоветский период. Однако содержательная сторона разговоров значения не имеет. Это экспериментальное, новаторское произведение, в котором исследуется, «как язык, в данном случае запись повседневной речи, отображает взаимодействие между людьми и как читатель извлекает смысл из звуков» [2, с. 49]. По мнению Д. Уффельманна, Сорокин этого периода близок к метасемиотической тенденции московского концептуализма как она проявилась в творчестве оказавшего на писателя большое влияние Эрика Булатова («белый» концептуализм).

Второе крупное произведение Сорокина – роман «Норма» был начат в 1979 г. (еще до «Очереди»), но вышел только в 1994 г. Неоднородность типографских решений издания 1994 г. (где-то очень мало текста на странице, где-то – мелкий шрифт и необыкновенно узкие поля и др.) позволяет исследователю предположить, что в «Норме» Сорокин «в каком-то смысле дает общую картину производства текстов, литературной культуры и взаимодействия читателя с книгой. Кроме того, в отдельных фрагментах книги эту особенность важно воспринимать в единстве с их содержанием в контексте советской культуры» [2, с. 52].

В центре внимания писателя в «Норме», как и в «Очереди», – язык. «Норма» – это норма поедания сушеных фекалий, которая существует в изображенном замкнутом сообществе. В некоторых главах романа на первый план выходит металитературная составляющая – воссоздание жанровых и стилевых кодов советской литературы. «Эти главы, – пишет Д. Уффельманн, – показывают, что в советской действительности, казавшейся вечной, не было иного выхода, кроме как многократно воспроизводить одни и те же действия, которых требовали нормы» [2, с. 64].

Отсутствие выхода для персонажей не означает отсутствия выхода для читателей: Сорокин, направляя их внимание на метаяуровень, «позволяет смотреть на текст с некоторого расстояния, необходимого, чтобы воспринять его комизм» [2, с. 65]. Возможность занять эту юмористическую метапозицию открывает материализованная в сюжете романа грубая метафора – «чтобы тут выжить, нужно дерьма нажраться». «Вне зависимости от возможных политических подтекстов, связанных с “дерьмом пропаганды”, – пишет Д. Уффельманн, – реализация метафор за счет их буквального воплощения в сюжете художественного произведения – чисто концептуалистский прием» [2, с. 66].

В романе «Тридцатая любовь Марины», написанном в 1982–1984 гг., впервые опубликованном во французском переводе в 1987 г. и вышедшем на русском языке в 1995 г., наметилась, отмечает исследователь, новая техника письма: имитация жанра романа. Роман, рисующий советскую эпоху позднего застоя (его действие происходит в 1983 г.) и развивающийся вначале как диссидентский нарратив, превращается – причем резко – в соцреалистический роман и далее – в сводки новостей. Эта завершающая часть романа, которую практически невозможно читать, в духе «белого» московского концептуализма, подчеркивает Д. Уффельманн, переключает внимание читателя на жанровую специфику и взаимодействие бумаги и текста. Героиня романа «сливается с коллективом до такой степени, что полностью растворяется в идеологическом дискурсе андроповского периода» [2, с. 71].

Традиции «белого» концептуализма исследователь прослеживает и в «Романе» (1985–1989, изд. в 1994), главная тема которого – «структура романа и способы ее разрушения» [2, с. 108].

Нарратив в русле классического русского романа XIX в. с характерными для жанра приемами (чередование повествования и диалогов, нагнетание напряжения, замедление, обрамляющее повествование, система лейтмотивов и др.), проникнутый ностальгией по доиндустриальному миру, в котором мастерски стилизуются разные типы речи, вдруг резко, без какой-либо психологической мотивировки меняет свое русло после кульминационного момента – свадьбы Романа (главного героя), превращаясь в описание совершаемых им серийных убийств. «По мере того как темпы массового убийства ускоряются, физическое насилие уничтожает не только всех действующих лиц, но и сам текст, саму читаемость “романа”» [2, с. 107], заключительные страницы которого состоят из простых предложений, представляющих сочетание подлежащего и сказуемого. Заключительное предложение – «Роман умер» – наводит на мысль, указывает исследователь, что Сорокин имеет в виду сам жанр романа.

В 1990-е годы писатель все более теряет интерес к соцреализму и советскому контексту: его начинает занимать историческое прошлое – Германия 1933–1945 гг. и СССР эпохи позднего сталинизма. «В позднесоветскую эпоху, – пишет Д. Уффельманн, – сложилась и прочно закрепилась традиция изображать нацистский режим так, чтобы в нем угадывался намек на советский тоталитаризм» [2, с. 113].

Повесть «Месяц в Дахау» (1992), став результатом поездки автора в Баварию в 1990 г., более, чем какое-либо другое произведение Сорокина, имеет биографические параллели, но не настолько, чтобы отождествлять «персонажного автора»¹ и реального. «Месяц в Дахау» – «скорее эксперимент с дневниковой прозой, повествованием от первого лица и поэтикой внутренних переживаний, ощущений и фантазий, наиболее ярко воплощенной в технике потока сознания Джеймса Джойса» [2, с. 115].

Повествование не соотносится с реальностью, о чем говорит искажение исторических фактов: речь идет о существовании в 1990 г. «пыточного курорта»; гитлеровский министр иностранных дел Риббентроп (1893–1946) в 1958 г. еще жив, на родине Гитлера

¹ Термин С. Гундлаха. – См.: Гундлах С. Персонажный автор // А–Я : литературное издание. – 1985. – № 1. – С. 76–77.

процветает его культ, отношения СССР и Германии после 22 июня 1941 г. не прерваны. Повесть переворачивает традиционное для советского человека представление о загранице как рае, а жизни в СССР как адском концлагере. Фантасмагорический мазохизм к финалу повести сменяется садизмом советско-нацистского завоевания мира и истребления жителей всех других стран.

И в этой повести, как показывает Д. Уффельманн, Сорокин остается верен себе, оставляя читателю возможность концептуального прочтения на метауровне. Средством остранения, в частности, выступает графика. Мистифицированный, приписанный Ленину мазохистский призыв напечатан в виде пирамиды без интервалов между словами, за которым следует описание переживаний героя в пыточных камерах, имитирующее устную речь – без знаков препинания и прописных букв, затем – перевернутая пирамида из двух католических гимнов.

Описания мазохистских удовольствий и садистских пыток, по мнению Д. Уффельманна, можно истолковать метадискурсивно – как коллаж из фрагментов разных дискурсов, которые отсылают «и к советской военной литературе, и к русской диссидентской и эмигрантской критике тоталитаризма, особенно к исполненной трагизма лагерной прозе Солженицына, создавая картину предполагаемой национальной психопатологии, усвоенной русскими... С присущей ему склонностью к гиперболизации Сорокин материализует патологию, приписываемую как немецкому, так и советскому тоталитарному мышлению, в образах садистской жестокости и мазохистского удовольствия от истязаний... Метадистанцирование достигает апофеоза в метатеоретической отсылке к французскому философу-постструктуралисту Жаку Деррида, извещающей читателя, что всякий текст тоталитарен – но что при этом он не более чем текст» [2, с. 123–124].

От интереса к советскому прошлому и соцреализму, характерному для Сорокина в 1980-е годы, затем – к общим чертам тоталитаризма в СССР и Германии в 1990-е, писатель переходит к новым темам. Первым крупным произведением на этом пути стал роман «Голубое сало» (1999), отчасти затрагивающий тему советского прошлого и взаимосвязи тоталитарных режимов, но в то же время обращенный к фантастическому будущему. Голубое сало – это субстанция, вырабатываемая клонами русских писателей-

классиков в 2068 г., которую в 1954 г. в альтернативной исторической реальности Сталин, тайно сбежавший в Германию, привозит своему другу Гитлеру, и они оба вводят ее себе.

В этом романе также имеет место концептуализация поэтики русского романа XIX столетия и социалистического реализма – во второстепенных эпизодах, отмечает Д. Уффельманн. Но если ранний Сорокин имитировал различные стили с холодной отстраненностью, в «Голубом сале» воспроизведение чужих стилей (которыми пишут клоны русских писателей) приближается к пародии. Образ клонирования – новая концептуалистская метафора, на которой построен роман.

Тема клонирования, однако, не является сюжетообразующей: творения клонов – лишь побочный продукт, отходы процесса выделения сала, возможности практического применения которого не до конца ясны, но за которым все охотятся.

Два временных плана романа произвольно связаны между собой «воронкой времени». Альтернативная историческая реальность 1954 г. пестрит анахронизмами (например, Гитлер и Сталин живы), в ней происходят невозможные вещи (Аллилуева занимается сексом с Пастернаком, Сталин – наркоман, у него два сына-трансвестита). Ощущение хаоса усиливают китайские лексемы, обильно использованные в тексте и часто используемые как ругательства (в конце романа есть китайский глоссарий): «Именно в непонятности обширных фрагментов таких текстов состоит их новизна» [2, с. 159].

Эффекту остранения способствует и графический облик романа, в котором, в частности, присутствуют целые фразы на немецком языке (написанные латиницей, в отличие, например, от «Месяца в Дахау», где они даны в кириллической транскрипции), часто встречаются прописные буквы и математические символы, жирным шрифтом выделяются примитивные сексуальные символы («**olo** у всех... встают») и др.

«Верный своей метадискурсивной технике, – пишет Д. Уффельманн, – Сорокин в романе разворачивает перед читателями концептуальное переосмысление фантастических дискурсов и поэтики бульварных романов и экшен-триллеров. Изменился объект концептуализации: это уже не “классический” соцреализм, а “модернистские” жанры поп-культуры... Иными словами, “Го-

лубое сало” заимствует фрагментарность и неоднородность у современных ему дискурсов эзотерики, оккультизма, утопических проектов и бульварной литературы, одновременно миметически адекватных и делающих невозможным адекватное прочтение» [2, с. 163].

Отсылки к жанрам фэнтези и криминальному триллеру, а также некое фантастическое вещество связывают «Голубое сало» с «Ледяной трилогией»: романы «Лёд» (2002), «Путь Бро» (2004) и «23000» (2005). Логически «Путь Бро» является приквелом «Льда», поэтому «Трилогию», опубликованную в 2006 г., открывал именно «Путь Бро».

Трилогия вызвала диаметрально противоположные интерпретации критиков, увидевших в ней либо просектантскую, либо антисектантскую позицию автора. В дискуссии принял участие и сам Сорокин, высказавшийся в одном из своих интервью в поддержку этического и метафизического истолкования. Д. Уффельманн полагает, что не стоит слепо доверять высказываниям писателя, который скорее «обновляет уже хорошо знакомую “концептуалистскую мифопоэтику” московского концептуализма и “Медицинской герменевтики”¹ в русле постмодернистского перформанса» [2, с. 191].

И буквальное и металитературное прочтение в этом случае возможны, полагает исследователь: «оба толкования сосуществуют, оспаривая друг друга, и читатель должен выбирать, какое из них представляется ему более обоснованным» [2, с. 195].

После эзотерической метафизики «Ледяной трилогии» повесть «День опричника» (2006), на первый взгляд, свидетельствует о резком повороте к социальной злободневности. Однако это не политическая сатира: произведение построено по модели литературной дистопии, точнее – метадистопии, «ироничной дистопии». В «Дне опричника» мир увиден глазами поборника репрессий, но это не означает тождества внетекстового дискурса и дискурса самого текста. Дискурс тоталитаризма выступает здесь как метадискурс, к восприятию которого как политической сатиры на путин-

¹ Инспекция «Медицинская герменевтика» (1987–2001) – арт-группа московских концептуалистов, среди участников которой – Сергей Ануфриев, Павел Пепперштейн, Юрий Лейдерман и др. – *Прим. Т. Ю.*

ский режим¹ ведет, подчеркивает Д. Уффельманн, его политизированное прочтение.

«День опричника» – это не отход от концептуализма, но лишь новый концептуальный проект. Писатель меняет объекты своих метадискурсов, но «основной вектор его творчества остается прежним: он продолжает воспроизводить другие дискурсы и имитировать чужую речь. Попрощавшись с соцреализмом, Сорокин в «Трилогии» концептуально переосмысливает вновь проснувшийся в постсоветском обществе интерес к эзотерике. В «Дне опричника» он придерживается той же стратегии, только предметом концептуализации теперь становятся сатирические *дискурсы* о неавторитарных тенденциях в путинскую эпоху и подражание многочисленным постсоветским историческим романам-антиутопиям» [2, с. 221–222].

Попытку переписать рассказ Л.Н. Толстого «Хозяин и работник» (1895) и в то же время сжатую трактовку эстетических воззрений писателя представляет собой, отмечает исследователь, повесть «Метель» (2010). Аллюзии к чужому тексту – «ксенотекстуальные», характерные в целом для творчества Сорокина, в «Метели» сочетаются с отсылками к собственным более ранним текстам – «автотекстуальными» аллюзиями (например, объекты из других миров, не вписывающиеся в традиции реализма XIX в.). «Оба типа аллюзий – разновидности интертекстуальности, и оба предполагают некоторую игривость. Однако речь идет, – пишет Д. Уффельманн, – о двух весьма несхожих модусах игры» [2, с. 232].

Большинство автоцитат отсылает к «Дню опричника» и его сиквелу – сборнику рассказов «Сахарный Кремль» (2008). При этом «автотекстуальные отсылки преграждают персонажам путь, образуя настоящие препятствия» [2, с. 234], как, например, замерзший в сугробе шестиметровый великан, в ноздрю которого въехал и сломался полоз «самоката», везущего героев повести. Более того, Сорокин «наделяет своих персонажей разнообразными

¹ См., напр.: Hodel R. Der Gewaltdiskurs der Politik als Literarische Vorlage bei Andrej Platonov und Vladimir Sorokin // Verbrechen – Fiktion – Vermarktung : Gewalt in den zeitgenössischen slavischen Literaturen / hrsg. von Burlon L., Frieß N., Gradinari I., Róžańska K., Salden P. – Potsdam : Univitätsverlag Potsdam, 2013. – S. 78–81.

отклонениями, которые в случае доктора Гарина, одного из двух центральных персонажей, доходят до галлюцинаций, разрушая целостность замкнутого ксенотекстуального мира переписанного рассказа Толстого» [2, с. 235]. Совершенно чужда рассказу Толстого, отмечает исследователь, и отличающая повествование Сорокина насыщенность сексуальными деталями, представляющими собой материализацию сексуальных метафор из более ранних сорокинских произведений.

«Доктор, персонаж Сорокина, подобно Толстому, теряется в велеречивых рассуждениях о помощи простым людям. По мере развития сюжета его высказывания обесцениваются как пустые заявления. В финале повести Сорокина, в отличие от рассказа Толстого, умирает не представитель элиты Гарин, растроганный собственным альтруизмом, а простолюдин Перхуша... Метаклассик начала XXI века играет с лицемерием и маскулинностью классика XIX столетия» [2, с. 243].

Постапокалиптическая картина ближайшего будущего представлена в романе-дистопии «Теллурия» (2013), где события разворачиваются отчасти в Западной Европе, но преимущественно – в новых княжествах, на которые распалась Российская Федерация. Название романа отсылает к «теллуократии» – центральному понятию философии неоевразийца Александра Дугина, считающего, что «теллуократия», которую он отождествляет с «внутриконтинентальными просторами Северо-Восточной Евразии (в общих чертах совпадающими с территориями царской России или СССР)» [1, с. 15] (это пространство и фигурирует в романе), противостоит ненавистой «талассократии» США. Этот факт, впервые отмеченный именно Д. Уффельманном¹, как и отдельные наблюдения над текстом, дают исследователю основания утверждать, что «разрозненные нарративы “Теллурии” относятся не просто к разным фобиям; неоконсервативный, авторитарный, антиглобалистский и ретрофутуристический дискурс, представленный Сорокиным, обладает ярко выраженными чертами евразийства, в основном в изложении Дугина» [2, с. 253].

¹ См.: Uffelmann D. Eurasia in the retrofuture : Dugin's "tellurokratia", Sorokin's *Telluria*, and the benefits of literary analysis for political theory // Die Welt der Slaven. – 2017. – Bd 62, N 2. – P. 360–384.

Углублением в риторику реакционеров отмечен следующий роман Сорокина – «Манарага» (2017), разворачивающийся в постапокалиптической и постисламской Европе в 2037 г. Делая протагонистом представителя мафиозной группы книгосжигателей, Сорокин «преобразует реакционную критику современности, цифровизации, транскультурализма и глобализма в парадоксальный библиофильский подход к истории литературы и интертекстуальности» [2, с. 262]. Писатель показывает, насколько разрушительны идеи ксенофобии и исламофобии, неонационализма и антиглобализма: «В постисламистской метадистопии Сорокина книги жгут не ретроградные исламисты, а консерватор-библиофил, старомодный националист, любитель русской культуры» [2, с. 265].

Итак, в своей книге Д. Уффельманн доказывает, что объектом референции в творчестве Сорокина выступает не «реальность», но «разнообразные дискурсивные модели изображения реальности... Дискурсивный материал менялся, а метадискурсивная поэтика Сорокина оставалась неизменной» [2, с. 267]. Поэтому, считает исследователь, нужно быть очень аккуратным, говоря о «новом Сорокине» после «Голубого сала», «Льда» или «Дня опричника». Единственное исключение представляет собой «Ледяная трилогия», в которой, по мнению ученого, Сорокин выразил частичную солидарность с метафизическими постулатами описанной им тоталитарной секты.

Исследование Дирка Уффельманна – не очень большое по объему, но весьма насыщенное наблюдениями и выводами, проясняющее прежде неясное и побуждающее к размышлениям, несомненно, станет этапным в изучении творчества Сорокина. Опираясь на обширную библиографию (книга снабжена специальным библиографическим разделом, в котором представлены тексты и интервью писателя на русском и других языках, а также посвященная ему отечественная и зарубежная критическая литература), оно как бы подводит итоги предшествующему периоду в изучении произведений Сорокина, открывая при этом новые перспективы. Трудно представить дальнейшие исследования в этом направлении, которые не учитывали бы проделанную Д. Уффельманном работу.

Список литературы

1. Дугин А.Г. Основы геополитики : геополитическое будущее России : мыслить пространством. – Москва : Арктогея-Центр, 2000. – 928 с.
2. Уффельманн Д. Дискурсы Владимира Сорокина / пер. с англ. Т. Пирусской. – Москва : Новое литературное обозрение, 2022. – 312 с.